

Возвращение "Риты"

Мое первое впечатление от квартиры Голубовских, куда я пришла в январе 1961 года, — в простенке между окнами, прямо напротив двери — большая картина: в разных, совмещенных проекциях, портрет красивой женщины, а в верхнем левом углу — живописная цитата из известного пейзажа Ван Гога с кипарисами...

Я начала рассматривать другие работы, висевшие на стенах, слышала новые для себя имена и все оглядывалась на портрет с "разобранной" женщиной. Что-то смутно знакомое в нем было, но что?! "Кто это?" — спросила я, даже сама не понимая, о ком я спрашиваю — о художнике или модели. "Это Саша Ануфриев. Портрет Риты".

Впечатление от всего увиденного было сильным. Я уже полгода изучала искусствоведенье в Ленинградском университете, пропадала в Эрмитаже, бывала в музее имени Пушкина в Москве, что уж упоминать о многочисленных альбомах в библиотеках!

Но никогда еще ни на одной выставке я не видела такой живописи. О квартирах и говорить не приходится.

Через несколько дней Женя повел меня к Ануфриевым. Я увидела художника и его жену и сразу вспомнила, почему что-то знакомое проявилось в работе Ануфриева.

Как только я окончила школу и начала работать, сразу же записалась в библиотеку имени Горького. Не знаю, как сейчас, но в те времена в научную библиотеку школьникам путь был закрыт. Маленькие еще!

Я любила и Большой зал библиотеки, но все же постоянным моим пристанищем был небольшой уютный зал отдела искусств. Он, как и сейчас, был на втором этаже, но в левом углу. Заведовала отделом искусств дама, как говорится, элегантно возраста, звали ее Вера Павловна, надеюсь, мне не изменяет память. Она была высокого роста, держалась очень прямо (наверное, еще гимназическая выучка держать спинку!), одежда была просто и строго, лицо было обрамлено красивыми серебристой седины волосами, разделенными пробором.

По-моему, это стало традицией вплоть до наших дней — в Горьковке всегда работали красивые женщины — и почтенного возраста, и молодые. Возможно, сама атмосфера библиотеки добавляла им шарма и красоты.

В отличие от Большого зала, где всегда было много читателей, а уж

в дни сессий, когда спохватывались и нерадивые студенты, — яблоку негде было упасть, в отделе искусств тесноты обычно не бывало.

Я взахлеб читала книги по искусству, уже тогда втайне мечтая о Ленинградском университете. И все же, увлеченная чтением, я не могла не заметить замечательную пару — молодой человек и девушка, оба необыкновенно красивые, всегда сидели в уголке, за последним столом небольшого зала, перелистывая альбомы и книги, о чем-то очень тихо переговариваясь.

Придя впервые к Ануфриевым, я сразу же узнала в них тех прекрасных незнакомцев из библиотеки Горького!

Комната Риты и Саши Ануфриевых в большом доме на углу Успенской и Ремесленной стала одним из постоянных и любимых мест нашего тогдашнего обитания. Мы входили во двор со стороны Ремесленной, в углу двора был черный ход, по лестнице поднимались на высокий четвертый этаж и по длинному коридору когда-то барской, а теперь коммунальной квартиры шли до его конца. Вот и заветная дверь в узкую вытянутую комнату Ануфриевых с окном на Успенскую. Вас всегда встречало приветливое радушие хозяев. Рита бежала на коммунальную кухню варить кофе, непременно с пеночкой. Кто только ни приходил сюда, кого здесь только ни встретишь!

Высокий и тонкий, как тростник, Володя Стрельников, к тому же похожий на еще популярного в те годы у нас Вана Клиберна, Витя Маринюк, многословный, с какой-то затаенной печалью в глазах, только вернувшийся из армии Володя Буланый в тяжелых солдатских ботинках, Валик Хрущ, Хрущик, как неизменно его звали, кажется, родившийся в своей знаменитой шляпе, застенчивый Юра Шуревич, астральный Валерий Басанец и многие другие, ставшие ядром той одесской неконформистской школы, негласным лидером которой в то время был, несомненно, Саша Ануфриев.

Кто только ни бывал в том открытом — душевно и физически — доме! Естественно, что всех приезжающих друзей мы водили к "Саше и Рите".

Многие бывали там постоянно, подолгу.

Знаменитый теперь на весь мир философ Георгий Гачев (недавно нам позвонил из Москвы Юлик Златкис с ужасной вестью: "Не стало Гены Гачева!.."), а в те далекие годы Гена Гачев, был уже известен и ценим в московских интеллектуальных кругах. В начале шестидесятых Гена приехал в Одессу, обрести пушкинскую "свободную стихию" — попасть на какой-нибудь корабль хоть матросом, хоть на время... Несколько месяцев ждал Гачев в Одессе осуществления своей надежды, ходил отмечаться в парходство, слушал разговоры бывалых моряков и составлял словарь солено-

го морского сленга. Уйти в море не получилось. Гена жил сначала у Юлика Златкиса, а потом в общежитии порта на Успенской и постоянно бывал у Ануфриевых. Не выносивший пустопорожней болтовни, Гачев с интересом общался с Ритой и Сашей.

И замечательный художник Володя Яковлев, приехавший в институт Филатова, — он уже тогда видел очень плохо... Володя жил у Валерия Басанца, но между посещениями института Филатова подолгу задерживался в комнате Ануфриевых.

Теперь работы Владимира Яковлева, как и работы Анатолия Зверева, признаны национальным достоянием России.

Задолго до знакомства, а потом и дружбы с Ануфриевыми, комната которых превратилась в "ковчег", собравший многих друзей, Женя и Юлик Златкис дружили с Олегом Аркадьевичем Соколовым. Особенно эта дружба стала душевной и крепкой после знаменитого вечера в политехническом институте, посвященного импрессионизму и постимпрессионизму.

Квартира Олега Аркадьевича, где жил он с мамой, сестрой Таней и ее мужем Костей, в Строительном переулке, за Ольгиевским сквером, тоже была ковчегом. Здесь собирались друзья Олега — художник Владимир Криштопенко и врач Евгений Свидзинский, похожий на Александра Блока Витя Ефименко и его златовласая жена Светлана и многие другие. И еще была Людочка, которая пыталась писать роман "Красная Москва". Роман начинался так: "Графиня очень не любила "Красную Москву". Была написана одна страница. И еще Людочка говорила, что ее пролетарское естество не может смириться с дворянским происхождением Олега...

Когда Юлик Златкис приезжает теперь к нам из Москвы, и мы предаемся сладостным воспоминаниям о тех временах, и Женя, и Юлик с упоением вспоминают, как у Олега они бесконечно репетировали домашний спектакль по пьесе Пристли "Опасный поворот", так и не сыгранный. Это было еще до меня. Но висит у нас маленькая гуашь, на паспарту которой неповторимым почерком Олега Аркадьевича написано: "Пристли. Опасный поворот". На гуаши — сцена по мотивам знаменитой пьесы.

Сколько стихов поэтов Серебряного века, еще запрещенных, еще не переизданных, известных по дореволюционным прижизненным томикам, читалось на этих вечерах у Олега Соколова! И это все происходило на фоне ранних, еще символистских работ хозяина дома, на фоне им же написанной на стене комнаты антисталинской фрески.

Дружба с Олегом Аркадьевичем длилась почти полвека, до его последнего дня...

Мы часто бывали в Москве. Обычно я приезжала из Ленинграда, а Женя — из Одессы. Прежде всего, Женя водил меня по московским художникам-нонконформистам и собирателям их работ, с которыми был знаком за несколько лет до нашего знакомства.

Иногда, правда, мы бывали и у "стариков". Амшей Маркович Нюренберг казался нам патриархом. В своей мастерской на Верхней Масловке он показывал свои старые работы, вспоминал Париж, Одессу своей молодости, попутно возмущался редактором "Знамени" Кожевниковым, который "все тянет с публикацией повести Юры". О какой повести шла тогда речь, не помню, но Юра — это писатель Юрий Трифонов, который тогда был зятем Амшея Марковича.

Дмитрий Краснопевцев и Юрий Васильев (MON) были среди тех нескольких художников, чуть ли не первых, о которых появилась статья (в 1958 году!) в американском журнале "Лайф", поставившая на дыбы советскую пропаганду.

В один из приездов Женя повел меня к Дмитрию Краснопевцеву. Он жил, кажется, на тогдашней Метростроевской. Маленькая узкая комната с единственным окном, на подоконнике которого стояли раковины, окаменелости, сухие цветы, черепки — безмолвные обитатели метафизической живописи замечательного художника.

Женя шел к Краснопевцеву с выполненным обещанием. Художник просил Голубовского — может, в Одессе он сможет найти книгу "Цветочки Франциска Ассизского". Уж не знаю, как, но Женя эту книгу нашел, и теперь нес ее в подарок — маленькая книжечка в мягком переплете революционного издания. Кажется, "Мусaget".

Исполненное печали и меланхолии лицо Мастера озарилось светом, сияньем, он с трепетом в руках перелистывал книгу — исполнилась многолетняя мечта. А Голубовский с таким же трепетом и волнением принял дар художника — один из его натюрмортов.

В это трудно теперь поверить, но Дмитрий Краснопевцев жил тогда в очень стесненных обстоятельствах — покупателей его картин было мало, и художник жил, в основном, на заработок от киноафиш, которые он делал для кинопроката, где и числился штатным сотрудником...

Ныне же о Дмитриии Краснопевцеве выходят солидные монографии в России и за рубежом, а его картины выставляются на аукционах Sotheby's, оцениваются и продаются за многозначные суммы.

Юрий Васильев, он выбрал себе псевдоним MON и так подписывал

свои работы, — энергичный, витальный, кажется, заполнял собой все пространство мастерской.

Песня Булата Окуджавы "Живописцы, окупите ваши кисти" посвящена Юрию Васильеву.

И ему же посвящено стихотворение Беллы Ахмадулиной "Гостить у художника":

В час осени крайний — огонь погасить
и вдруг, засыпая, воспрянуть догадкой,
что некогда звали тебя погостить
в доме у художника, там, за Таганкой.
И вот, аспирином задобрив недуг,
напялив калоши, — скорее, скорее
туда, где, румяные щеки надув,
художник умеет играть на свирели...

А мастерская Васильева, действительно похожего на древнегреческого Пана, была насыщена работами, в которых отразился неумный в поисках и проявлениях многогранный талант художника. Живописные холсты, гравюры, стенд со слепками рук знаменитых современников — музыкантов, писателей, художников. На полу стояли огромные фаллические скульптуры — все составляло полную противоположность метафизическому безмолвию художественного пространства Дмитрия Краснопевцева.

Юрий Васильев был художником знаменитых спектаклей Театра на Таганке — "Павшие и живые", "Пугачев".

Побывав в Японии в начале 90-х годов, Женя с восторгом рассказывал, как в "Саду скульптур" в Иокогаме наряду с работами Генри Мура и Осипа Цадкина он увидел работы Юрия Васильева. В Японии есть даже Общество поклонников Юрия Васильева.

Однажды Женя повел меня к Борису Слуцкому. И я, наконец, увидела на стене у поэта картину Юрия Васильева "Географическая карта", которую хотел приобрести мой муж. Там была своя история. Слуцкий долго выбирал, что купить, — васильевских "Птиц" или эту "Карту". Остановился на "Карте". Но так как Голубовский тоже выбирал между этими двумя работами, то, очевидно, приоритет в выборе принадлежал знаменитому поэту. Когда мы вышли от него, я в утешение мужу сказала: "Борису Абрамовичу не жалко!". На две же полюбившиеся картины, очевидно, денег не хватало даже у Слуцкого...

Не только в мастерских (а иногда просто в комнатах коммунальных квартир, как у Володи Яковлева) мы видели замечательную живопись со-

временных независимых художников — у Алика Гинзбурга, у Алика Русанова и в других московских домах. Это были работы Оскара Рабина, Евгения и Льва Кропивницких, Владимира Вейсберга, Владимира Янкилевского, головокружительная слава к которым придет позже.

Можно ли передать словами впечатление от знакомства с коллекцией Георгия Костаки, только той ее огромной частью, которая была в его городской квартире, — не меньшая часть была на даче. И у Георгия Дионисевича были работы современных художников, среди которых он особенно любил Анатолия Зверева и Дмитрия Плавинского. Но русский авангард начала и 20-х годов XX века! К началу шестидесятых годов начали приоткрываться запасники Русского музея и Третьяковки, но до определенных пределов — до "Бубнового Валета". Русский авангард был еще под глумлым запретом. У Костаки он висел на стенах.

Не буду описывать его коллекцию. Она теперь широко известна. Почему-то еще как примета того времени запомнилась одна незначительная деталь. Супруга Георгия Дионисевича сидела перед черно-белым (цветных еще не было!) телевизором — шла трансляция конкурса имени Чайковского...

Я вспоминаю об этом, потому что и наши рассказы о московской художественной жизни, о художниках и коллекционерах, и привозимые из Москвы работы были интересны Саше и Рите. Они были внимательными слушателями и чуткими заинтересованными зрителями.

И еще. Действительно, денег у всех нас было так мало, что часто шел, как в случае с Краснопевцевым, "натуральный обмен" — чаще всего на книги.

У нас до сих пор хранится альбом божественных рисунков Гольбеина, который Саша Ануфриев отдал за альбом, уж не помню — Сизанна или Ван Гога.

Возвращаясь в Одессу, переполненные московскими впечатлениями, мы непременно шли к Рите и Саше поделиться новостями, посмотреть, что новое появилось на Сашиных холстах, и в очередной раз убеждались, что Сашины работы, совсем не похожие на работы москвичей, многим из них не уступали по живописной мощи и экспрессии.

Ануфриев и его друзья в те годы даже мечтать не смели о Союзе художников, о выставочных залах. Для официозного искусства они были париями. Что говорить об этих дерзких и независимых неформалах, если даже признанные художники, посмеявшие нарушить границы дозволенного, подвергались непристойной "порке" от своих коллег по живописному цеху.

Александр Павлович Ацманчук, замечательный мастер, человек, помогавший многим и многим художникам, автор тиражированной на открытках картины "Дан приказ...", в самом начале шестидесятых на областной выставке представил свою картину "Полет!". Этот холст с динамичной композицией, в которой устремились в объятии к небесному простору юноша и девушка (не обнаженные!), с экспрессивным живописным решением вызвал шквал негодования официальных критиков и не менее официальных членов Союза художников. Происходило это почти уже полвека назад. Больше никогда я эту картину не видела, но впечатления остались на всю жизнь. Ацманчук посмел отойти даже от "сурового стиля", с зубовным скрежетом еще недавно "дозволенного".

Картина Александра Ацманчука висела на торцовой стене малого зала на втором этаже Художественного музея. И обсуждение выставки (это было лето 1960 года, запомнилось потому, что я уже собиралась в Ленинград сдавать вступительные экзамены в университет) проходило (думаю, намеренно) в этом же зале, где нельзя было дышать от летнего зноя за его высокими окнами, и особенно от накала ненависти к "оступившемуся" художнику...

Так распинали именитого художника. О каких же фондовских заказах и официальных закупках могли мечтать эти — молодые "изгой"?! А они и не мечтали. Они хранили в душе бескорыстную любовь к живописи и независимый нрав. Хоть были у них кумиры в живописи конца XIX — начала XX века. Склонный к шуткам Ануфриев иногда называл себя "Пикассаша".

"Один сезон наш бог — Ван Гог, другой сезон — Сезанн", — могли бы повторить вслед за Маяковским Ануфриев и его друзья. Но и в Одессе были мастера, которые много значили для этой буйной молодой поросли. Тот же Александр Ацманчук, но все же, в первую очередь, Юрий Егоров. Как и Ацманчук, от испытания "суровым стилем" пришедший к новой живописной пластике.

Но жить было нужно. Чтобы помочь Саше и Рите (это было еще до "квартирных выставок"), Женя устроил лотерею. Знакомые инженеры, врачи, журналисты откликнулись. Конечно, это и тогда были более чем скромные "вспомоществования", но и они были подспорьем для Ануфриевых. Так в одесских домах вслед за работами Олега Соколова стали появляться работы Ануфриева и его друзей.

В то время Саша написал множество автопортретов, портретов друзей и тех многочисленных подружек, которые прелестным цветником расцветали в узкой комнате высокого дома на Ремесленной угол Успенской.

И все же, естественно, постоянной моделью, подлинной Музой художника была Рита. С упоением и страстью Саша писал Риту, ее красивое и умное лицо, ее пластичную фигуру, ее тело. Вряд ли сейчас можно подсчитать, сколько было написано холстов, прекрасной героиней которых была Рита. Это был целый мир, целый космос страсти, любви и красоты.

Мы все были молоды, безденежны, не обременены материальным благополучием, но дружили и любили друг друга, постоянно ходили в гости гурьбой — то к Ксане Добролюбской, в комнате которой Саша расписал окно, выходящее в кухню, то поднимались на шестой этаж самого высокого дома на те времена в Одессе — к Стелле и Алеше Ивановым, то к Ларисе Сикорской и ко многим другим, и Саша с невероятной щедростью дарил свои работы.

В них уже в те годы восхищала и щедрость, и безупречный вкус, и природная элегантность. При той материальной скромности, в которой они жили, оба — и Рита, и Саша — всегда выглядели элегантными, стильными, необыкновенно красивыми, очевидно, этому способствовала и внутренняя свобода.

Своеобразным ритуалом тех далеких лет был непременно поход по выходным дням на Староконный базар. Все что-нибудь собирали. И на развалах Староконного всегда можно было найти какую-нибудь "нечаянную радость". "Кайфик". Не помню, кто ввел в оборот это словечко, — Валик Хрущ или Шура, как называли Ануфриева друзья-художники, но слово прижилось. Ксана Добролюбская по-своему отзывалась о таких "радостях" — "пустячок, а приятно".

Сколько знакомых можно было встретить в воскресное утро на Староконном! У каждого были свои предпочтения в поисках. Хрущик особенно тщательно просматривал "металлические" ряды в поисках золингеновских стамесочек со знаменитым клеймом "лев на стреле", отверточек, ножичков и прочих полезностей.

Саша собирал дореволюционные открытки, изданные "Общиной св. Евгении", и был здесь конкурентом моему мужу. Кто пришел раньше, тот успел. Двойники непременно дарились.

Среди книжных развалов иногда можно было случайно найти действительно редкие книги. Так мы однажды среди обычных старых книг обнаружили первое издание книги князя Щербатова "О повреждении нравов в России" и под одним переплетом с ней — радищевское "Путешествие из Петербурга в Москву". Признаться, я даже уже не помню, какому музею или библиотеке Женя подарил этот раритет.

Конечно, в антикварных магазинах тогда стояли вазы Галле или "Даум Нанси", старые мейссенские сервизы, старинная бронза — все, что было для нас недоступно. Но прийти к Вите Маринюку и Люде Ястреб и пить чай из старинных чашек, заваренный в старинном чайничке, есть мед из старинных же блюдец, любоваться гарднеровскими удлиненными лоточками с крышечками, найти на Староконном гарднеровскую чашку, кузнецовскую масленку, стеклянную чернильницу или бронзовый подсвечник от прежнего письменного прибора, живописный этюд неизвестного мастера, старенькую вазочку с китайским клуазоне, сделанную еще до КНР, старинную рамку, да мало ли что можно было найти на Староконном... При дороговизне в антикварных магазинах и скудном однообразии советских товаров — Староконный был просто счастливой возможностью найти, подарить друзьям какую-нибудь милую вещь. Права была Ксаночка: "Пустьячок, а приятно!".

Некоторые подарки были кочевыми. Однажды Саша подарил Люсику Беккерману "Одинокое яйцо", как он его называл, — мраморное яйцо, очевидно, стоявшее в былые годы на чем-нибудь письменном столе в виде пресса для бумаг. Со временем Люсик передарил его нам. Еще позже от нас оно попало, все под тем же названием, которым его нарек Саша, к Ксане. В чей дом оно пришло от Ксаночки, не знаю.

...У Риты и Саши родился Сережа. Маленький ребенок, холсты, краски — все в одной комнате. Очевидно, мучительная стесненность такого быта подвигла Риту и Сашу на решительный шаг — они свою комнату поменяли (ни о какой продаже квартир в те годы и речи не было — существовали бюро обмена квартир, в том числе и междугороднего) на какое-то, очевидно, более просторное жилье в Ташкенте. Это было наше первое расставание с друзьями. До великого исхода, до бесконечных прощаний с друзьями, уезжавшими в эмиграцию, а в те времена это означало — навсегда, без надежды когда-нибудь увидеться, оставалось еще несколько лет...

Они пережили в Ташкенте печально известное землетрясение, после него вернулись в Одессу. Но какой-то невидимый постороннему взгляду тектонический разлом произошел и внутри блистательной четы Ануфриевых.

Они расстались. У Риты и Саши началась новая, иная жизнь.

Мы по-прежнему любили и Риту, и Сашу, Мы по-прежнему дружили и с Ритой, и с Сашей. Но у прежней влюбленности, восхищения, с которыми мы воспринимали недавний союз двух красивых талантливых людей, который был в наших глазах "неколебим, свободен и беспечен", как это ни печально, уже не было "адресата".

Через несколько лет мы с Кузнечной переехали на Черемушки. Однажды, перевешивая в очередной раз картины, мы поставили "Риту" на пол, прислонив к книжному стеллажу, в поисках более выигрышного для нее места.

В этот момент у нас появилась Ксана Добролюбская.

— О, что это у вас "Ритка" валяется на полу?! — в своей обычной насмешливой манере спросила Ксаночка.

— Что значит "валяется"?! — обиделась я. — Место выбираем, где бы ее лучше поместить!

Ксанка обвела взглядом наше тесное пространство и воскликнула:

— Ой, что вам мучиться! Давайте ее мне, пусть она у меня повисит, пока вы будете думать, куда ее повесить.

Ксана была таким сокровенным, таким любимым человеком, таким непременно участником той нашей юной жизни — с Сашей и Ритой, что мы с Женей в один голос, не договариваясь, воскликнули:

— Бери!

И Ксанка с "Ритой" уехала к себе в Аркадию.

Мы ездили к Ксане и Рудику Феденеву к ним на Тенистую, 16, "Рита" прижилась у них, мы и не заикались о том, что для "Риты" нашли место.

Наша дружба с Ксаной, отголоски нашей прежней жизни, где были Рита и Саша, воспоминания о ней делали невозможными какие-либо намеки о возвращении "Риты".

Потом не стало Ксаны.

Мы уже не ездили на Тенистую. А потом и вообще не стало той благословенной дачи Добролюбских в Аркадии, с которой связано столько счастливых воспоминаний.

После кончины Рудика Феденева позвонила его вдова Татьяна Анатольевна Остапчук и сказала: "Рудик завещал после его смерти вернуть вам работу Саши Ануфриева".

Женя с Анечкой поехали на Фонтан к Татьяне Анатольевне и с благодарностью приняли от нее завещанную Рудиком картину. Место "Рите" сразу нашлось. Первые дни я постоянно бегала в комнату любоваться "Ритой". Все не могла наглядеться.

Сколько нахлынуло воспоминаний!

"Рита" вернулась!